

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина

ТАРАННЫЕ КОСТИ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Авторы статьи рассматривают бытование астрагалов крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (синташтинской, петровской, алакульской, срубной и др.). Анализ собранных данных свидетельствует о том, что эти астрагалы, с одной стороны, служили сырьем для изготовления утилитарных изделий, главным образом орудий, а с другой – являлись атрибутами различных обрядов. В частности, рассматриваемые кости помещали в могилы в качестве погребального инвентаря (преимущественно в захоронения лиц 6–12 лет и женщин). Их также клали на перекрытия могил, близ могильных ям, в ровики, т.е. на границы, отделявшие живых от мертвых. В ходе поселенческих обрядов астрагалы крупного рогатого скота оставляли на границах жилищ (близ стен, углов, входов), а также в ямах и колодцах, которые, очевидно, считались каналами связи с потусторонним миром. По мнению авторов, астрагалы крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы были полисемантически – в зависимости от характера обряда их знаковая нагрузка являлась разной. В частности, эти предметы могли использоваться для открытия канала связи с иным миром или его блокирования, выступать в качестве символов животных.

Ключевые слова: астрагалы крупного рогатого скота, эпоха бронзы, Евразия, обряды.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-03

Для археологов... кардинально важно понимать, что в их руках находятся источники, содержащие необыкновенные информационные возможности. Для этого необходимо выйти за пределы обветшалых установок типа «вещи говорят сами». Ни о чем они не говорят, пока мы их не способны расспросить.

*Е.В. Антонова**

Одной из категорий артефактов, с которыми сталкиваются исследователи культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии, являются таранные кости животных, обычно именуемые в литературе астрагалами**. Поскольку эти кости встречаются в погребениях, а на поселениях порой образуют компактные группы, внимание на них было обращено уже давно. Так, О.А. Кривцова-Гракова [1948, с. 72, 125] сочла скопления «овечьих» астрагалов, обнаруженные на Алексеевском поселении (Казахстан), наборами для игр. В 1950–1960-е гг. аналогичным образом трактовали астрагалы мел-

* См.: [Антонова, 2013, с. 48].

** Реже встречаются термины «альчики», «лодыжки», «козны», «сачки», «костыги» и «бабки» (ср.: [Литвиненко, 2005, с. 74]). Последний наименее удачен, ибо бабками в литературе называют не только таранные кости различных животных [Панковский, 2013, с. 454, прим. 3], но и путовые кости лошади (см., например: [Лопатин, 2010, с. 130 и др.]). Поэтому если автор публикации пишет о «бабках» без каких-либо уточнений, зачастую не ясно, что на самом деле имеется в виду. В предлагаемой работе мы будем использовать в качестве синонима словосочетанию «таранная кость» термин «астрагал», что, строго говоря, тоже не вполне корректно, потому что у древних греков, от которых данный термин пришел к нам, он являлся многозначным (в частности, астрагалами именовали позвонки животных) [Юдин, 2009, с. 146].

ких копытных (далее – МК)* из погребальных и поселенческих комплексов различных культур эпохи бронзы и некоторые другие авторы (см., например: [Мерперт, 1954, с. 113; Смирнов, 1959, с. 222; Черников, 1960, с. 29; Сальников, 1967, с. 165]). В последующие десятилетия интерес к этим артефактам нарастал, итогом чего, в частности, стало появление серии обобщающих работ, где анализируются бабинские [Литвиненко, 2005] и срубные погребения с таранными костями МК [Ковалева, 1990; Цимиданов, Чаур, 1997; Цимиданов, 2001; Юдин, 2009]. Привлекали внимание и астрагалы МК культур бронзового века Азии – окуневской [Вадецкая, 2012, с. 216–217], синташтинской [Марков, 2002; Нуралимова, 2008, с. 138–139], «синташтинско-петровского периода» [Ворошилова, 2008], алакульской [Усманова, 1992, с. 100], сумбарской [Хлопин, 1983, с. 29], «бегазы-саргаринской» [Горячев, 2013, с. 358, 359], карасукской [Савинов, 1996, с. 27], маргианской [Сатаев, 2008а, с. 158–160; 2009]. Интересное исследование посвящено интерпретации астрагалов из детских погребений ряда культур, в том числе синташтинской, петровской и алакульской [Сотникова, 2014].

Итак, об использовании населением эпохи бронзы таранных костей МК написано уже немало. А вот астрагалы крупного рогатого скота (далее – КРС) вызывали значительно меньший интерес. Это обусловлено тем, что они нечасто обнаруживаются в явных обрядовых контекстах. Отсюда их трактовали в основном как чисто профанные предметы. Так, С.С. Черников [1960, с. 29] допустил, что комплекс из 20 астрагалов КРС, обнаруженный на Алексеевском поселении, являлся, как и выявленные там же скопления «овечьих» астрагалов, набором для игры. К.В. Сальников [1967, с. 165] интерпретировал таким же образом «грудки» астрагалов коровы из комплексов бронзового века Южного Урала. В работе Э.Р. Усмановой, В.К. Мерца и А.В. Колбина [2006, с. 73] астрагалы КРС, присутствовавшие в одном из захоронений алакульской культуры, также были трактованы как игральные кости. С.В. Сотникова [2014, с. 31–32] допустила, что таранные кости КРС, локализовавшиеся вместе с астрагалами других животных, являлись битами**. На наш взгляд, астрагалы КРС в ряде культур бронзового века использовались не только (а, скорее всего, не столько) для игр. Это мы намерены продемонстрировать в предлагаемой работе.

Таранные кости КРС, пусть и нечасто, но встречаются в культовых комплексах различных культур Азии***. Так, при раскопках грунтового могильника *елунинской культуры Телеутский Взвоз-1* (Алтайский край, Россия) был обнаружен жертвенный комплекс (объект №13), представлявший собой вытянутую по линии запад – восток

* Термин «астрагалы мелких копытных» более обтекаем, чем расхожий в литературе термин «астрагалы мелкого рогатого скота» (далее – МРС). Дело в том, что носители ряда рассматриваемых культур использовали в обрядовой практике и таранные кости свиньи, дикого кабана, косули, сайгака. Например, в захоронениях срубной культуры Самарского Поволжья частота встречаемости таранных костей свиньи практически не уступает показателю по МРС [Рослякова, 2014а, с. 15]. Но отличить астрагалы свиньи, косули, сайгака или дикого кабана от астрагалов овцы или козы неспециалисту затруднительно. Следовательно, если в публикации или отчете пишется об астрагалах мелкого рогатого скота без уточнения, произвел ли это определение археозоолог, следует делать поправку на то, что данные предметы могут являться и таранными костями других копытных.

** Уточним, что, по мнению автора, гипотетические игры, в которых применялись данные «биты», могли иметь ритуальную окраску [Сотникова, 2014, с. 32].

*** Выше упоминалось об использовании астрагалов МК древним населением Маргианы. Обратим внимание на то, что население Гонур Депе изредка применяло в погребальных и иных обрядах и таранные кости КРС [Сатаев, 2008а, с. 145, 157; 2008б, с. 142].

овальную яму размерами 3,6х3,3 м. В ее заполнении выявлены черепа и нижние челюсти КРС, черепа четырех баранов и другие кости. Вероятно, все они первоначально размещались на перекрытии ямы, а затем, после его разрушения, провалились вниз. В центральной части дна рассматриваемой ямы находилась подпрямоугольная яма меньших размеров (1,3х0,8 м). Там найдены череп КРС и лежавший под ним астрагал КРС [Грушин, 2007, с. 79–80]. Добавим, что астрагал КРС (правый) был обнаружен и во рву №3 данного памятника [Грушин, 2007, с. 79]. Однако во рву присутствовали и другие кости правой конечности КРС. Отсюда нельзя быть уверенным в том, что интересующий нас артефакт попал в ров как самостоятельный предмет – он мог оказаться там будучи частью конечности жертвенного животного.

На поселении *уральской абашевской культуры Мало-Кизильское* (Челябинская обл., Россия) в придонном золистом слое рва* обнаружены разрушенные вдоль астрагалы КРС**. Другие остеологические остатки, находившиеся во рву, также были намеренно измельчены [Сальников, 1952, с. 53]. Отмеченное состояние костей служит аргументом в пользу того, что они, прежде чем оказаться во рву, использовались в ходе обрядовых манипуляций***. Да и другие артефакты, приуроченные к данному объекту, фиксируют его связь с обрядовой практикой. Так, при исследовании рва были выявлены, помимо иных находок, комок охры диаметром около 20 см, костяк теленка без черепа и множество украшений (пронизей, бляшек, обоймочек). Добавим, что к югу ото рва находилось еще одно захоронение теленка [Сальников, 1952, с. 52–53].

В погребении *синташтинской культуры* из **Солнца-II**, 11/1 (Челябинская обл., Россия) выявлено «...скопление астрагалов и плюсневых костей крупного рогатого скота и лошади (?)». Оно размещалось в южном углу могильной ямы – рядом со скоплением костей, включавшим два черепа КРС, один череп МРС, серию челюстей животных, хвостовой позвонок и кости крыла гуся****. Все эти артефакты находились выше дна могилы, т.е., вероятно, первоначально лежали на перекрытии. Погребение было «ограблено»***** вскоре после его совершения. Кости умершего (взрослого), относящиеся в основном к нижней части скелета, лежали кучей посередине ямы. Из инвентаря уцелели только сосуд, два бронзовых крючка и костяной предмет вычурной формы***** [Епимахов, 1996, с. 32–33; рис. 10–II]. Применительно к данному погребению заострим внимание на том, что в тазовой конечности КРС между таранной костью и плюсневыми костями находятся кости заплюсны (см., например: [Попеско, 1978, рис. 30]), но они в погребении отсутствовали. Таким образом, в обряде использовались астрагалы, вычлененные из конечностей. Добавим, что в западном углу могилы размещалось скопление «альчиков» [Епимахов, 1996, с. 33], но вид животного в публикации не уточняется.

* Подчеркнем, что ров, судя по его параметрам, не являлся оборонительным (см.: [Сальников, 1952, с. 52]).

** Из текста публикации не ясно, сколько астрагалов КРС было обнаружено во рву, и все ли они подверглись разрушению.

*** Об измельчении костей животных с обрядовой целью см.: [Антипина, 2004, с. 194–195, 210; 2011, с. 178; Усачук, 2012а, с. 232].

**** Судя по расположению последних, в погребальном обряде было использовано целое крыло птицы.

***** Подверглось ритуальному разрушению?

***** По автору публикации, «окончание кибити сложного лука».

В погребении синташтинской культуры могильника **Большекараганский**, 25/16 (Челябинская обл., Россия) четыре астрагала КРС находились в компактном скоплении таранных костей различных животных, клыка кабана, резцов бобра, костяных предметов за спиной погребенного [Зданович, 2002, с. 64, 67; Панковський, 2012, с. 86]. Реконструируется довольно сложное погребальное сооружение [Зданович, 2002, с. 67], куда «на травяную подстилку и шкуру поместили тело ребенка (девочки?) 7–7,5 лет. ... под головой находилась подушка из травы. Под руки погребенного положили медный нож с деревянной рукоятью. За спиной разместили мешочек с набором астрагалов, зубами животных, изделием из рога (?) и костяным диском, хотя диск мог лежать и поверх мешочка. В СВ углу ямы разместили сосуд. Возможно, южная часть ямы также была занята инвентарем (одеждой?, шкурами?) ...» [Зданович, 2002, с. 68].

В погребении синташтинской культуры могильника **Кривое Озеро**, 9/7 (Челябинская обл., Россия) астрагал КРС находился в верхней части заполнения могильной ямы. В заполнении (отдельно от интересующего нас артефакта) выявлены и другие кости животных – обломок длинной кости МРС, два черепа и сочлененные кости восьми конечностей МРС, один череп и кости конечностей КРС. Очевидно, перечисленные артефакты первоначально размещались на перекрытии погребения. В могиле была похоронена девочка 9–10 лет, страдавшая при жизни двусторонним мастоидитом и артрозом, вызвавшим разрушение и деформацию костной ткани черепа*. Погребальный инвентарь состоял из сосуда, двух астрагалов МРС, бронзового шила, бусин из бронзы и фаянса и семи подвесок из зубов *Canis*** . На дне ямы находились также кости МРС, в том числе череп [Виноградов, 2003, с. 100, 102, 105].

Наконец, в синташтинском погребении из **Каменного Амбара-5**, 2/5 (Челябинская обл., Россия) в южном углу ямы выявлено компактное скопление из 147 астрагалов, в том числе 111 – овцы, 27 – сайги, 6 – козули, 1 – кабана и 2 – КРС. В «ограбленной» могиле находились останки восьми умерших с возрастом от примерно 1 года до 17–22 лет и разнообразный инвентарь. Стоит подчеркнуть, что упомянутое скопление размещалось особняком и не тяготело ни к одному из усопших [Епимахов, 2005, с. 20–28].

Отметим, что нами учтено 248 погребений синташтинской культуры, но только лишь в четырех описанных выше случаях можно уверенно констатировать использование в обряде астрагалов КРС***. Таранные кости МК, напротив, часто попадали в синташтинские захоронения, на что уже обращал внимание В.В. Ткачев [2007, с. 202]. Так, в могильниках Синташты они в качестве инвентаря присутствовали, как минимум, в 14 погребениях из 67 [Генинг и др., 1992, с. 112–340], что составляет почти пятую часть исследованных захоронений.

На укрепленном поселении синташтинской культуры **Аркаим** (Челябинская обл., Россия) астрагалы КРС входили в состав ряда скоплений костей животных. При этом в двух случаях, исходя из отсутствия в скоплениях костей, которые примыкают в ко-

* См.: [Рыкушина, 2003, с. 350].

** Основная масса бусин является остатками наборных ручных и ножных браслетов, остальные, как и часть зубов *Canis*, вероятно, входили в состав украшений кос.

*** Астрагалы КРС выявлены и в ряде других захоронений синташтинской культуры (см., например: [Генинг и др., 1992, с. 236, 303; Косинцев, 2003, с. 335, 337, 338]), но применительно к данным захоронениям нельзя быть уверенным, что таранные кости не попали в комплексы как части конечностей жертвенных животных.

нечности к таранной, можно утверждать, что астрагал попал в комплекс как самостоятельный предмет. Одно такое скопление локализовалось в углу жилища 1–11 (раскоп 5). Там фрагмент таранной кости коррелировался с другими костями КРС – целым черепом, тремя зубами, двумя фрагментами ребер и одним фрагментом пясти. В скоплении находились также кости овцы (один фрагмент плюсны), козы (один фрагмент мозгового отдела черепа) и лошади (четыре зуба и один фрагмент берцовой кости) [Косинцев, 2000, с. 25]. Присутствие в скоплении целого черепа КРС делает трактовку комплекса как культового вполне вероятной*.

Во внешнем (оборонительном) рву, проходившем за жилищами 2–12 и 2–13 (раскоп 19), в скоплении находились один астрагал, один фрагмент лицевой части черепа, восемь половинок нижних челюстей (в том числе шесть парных), четыре зуба, один атлант, один фрагмент берцовой кости, один фрагмент пястной кости, два фрагмента плюсны, одна I фаланга, одна II фаланга и одно копыто КРС (кости, вероятно, от пяти особей). Здесь присутствовали также один фрагмент лопатки овцы, один фрагмент верхней челюсти, два фрагмента нижней челюсти, один фрагмент берцовой кости МРС (кости, вероятно, от двух особей) и один фрагмент таза лошади [Косинцев, 2000, с. 26]. В данном случае рассматривать комплекс как культовый позволяет присутствие серии челюстей животных. Последние часто использовались в качестве обрядовых атрибутов (см., например: [Горбов, Мимоход, 1999, с. 44; Косинцев, 2000, с. 28; Подобед и др., 2011, с. 110–111]). Отметим, что нами были учтены 42 поселенческих культовых комплекса синташтинской культуры. Два описанных выше «текста» составляют в этом массиве 4,8%. Соответствующий показатель по погребениям – 1,6%. Таким образом, носители синташтинской культуры использовали астрагалы КРС в поселенческой обрядности значительно чаще, чем в погребальной.

В захоронении 35 могильника **Бестамак** (Костанайская обл., Казахстан), относящемся к «*синташтинско-петровскому кругу памятников*», у черепа женщины 25–30 лет лежало изделие из астрагала КРС. Артефакт представлял собой половинку таранной кости, расколотой по длинной оси. В корпусе предмета имелось отверстие [Калиева, Логвин, 2008, рис. 8.-9]. Рядом с поделкой находились кости крыла утки, бронзовая «проколка» и остатки деревянного изделия (сохранились древесный тлен и две бронзовые скрепки). Захоронение подчеркнуто неординарно. Об этом свидетельствуют большие размеры могильной ямы (3,4x1,9 м), остатки обильных жертвоприношений животных в ее заполнении (в том числе два костяка лошадей, череп и конечности овцы, другие кости четырех овец и одного ягненка) и разнообразие погребального инвентаря (помимо упомянутых выше артефактов, в могиле выявлены пять керамических сосудов, пастовые и каменные бусы, бронзовые браслет, серп, две стамески (с роговой и деревянной рукоятями), два ножа, «штыковидное орудие», шило с деревянной рукоятью, «шплинт», игла, два каменных наконечника стрел, шлифовальный камень, костяные пряслице и проколка, другие изделия) [Калиева, Логвин, 2008, с. 38–43].

Три погребения с таранными костями КРС известны нам в *петровской культуре*. Одно из них выявлено в раскопе VI поселения **Убаган I** (Курганская обл., Россия). В могиле, где были погребены взрослый, подросток 6–9 лет и ребенок 4–6 лет, нахо-

* Об использовании голов животных в ходе жертвоприношений см., например: [Кривцова-Гракова, 1948, с. 96; Шарафутдинова, 1980, с. 44; Горбов, Мимоход, 1999, с. 44; Косинцев, 2000, с. 28; Сотникова, 2008, с. 310–313].

дился один астрагал КРС. Из публикации не ясно, кому из умерших он принадлежал. Стоит отметить, что в захоронении присутствовали и астрагалы МРС, но они лежали отдельно от интересующего нас артефакта. Другой инвентарь представлен бронзовым браслетом (был на руке взрослого). В могиле обнаружены также кости конечностей КРС, а за ее пределами – у восточной стенки – черепа и конечности четырех особей МРС. Над могильной ямой прослежены остатки кострища [Потемкина, 1985, с. 201–202].

В захоронении петровской культуры из **Кривого Озера**, 1/2 (Челябинская обл., Россия) у северной стенки находилась выкладка из таранных костей, среди которых были четыре астрагала КРС и 22 астрагала МРС. Погребение оказалось разрушенным. Судя по уцелевшим костям, в могиле были погребены взрослый, подросток и ребенок. К кому из них тяготело скопление таранных костей, установить невозможно. Помимо упомянутых астрагалов, в яме выявлены семь сосудов разной степени сохранности, бронзовое тесло, два наконечника стрел (из кости и кремневого сланца, роговые псалии и уздечная бляха, 39 астрагалов МРС [Виноградов, 2003, с. 39–40, 44].

В петровском захоронении из **Восточно-Курайли I**, 10/4 (Актюбинская обл., Казахстан) у кистей рук подростка* размещались «альчики овцы и коровы» (число их не указано). Другой инвентарь – два сосуда и пастовые бусы. В ногах умершего располагался костяк барана [Ткачев, 2005, с. 45].

Три погребения с таранными костями КРС мы знаем в *алакульской культуре*. При этом в захоронении из **Кулевчи VI**, 5/3 (Челябинская обл., Россия) 38 «астрагалов КРС и лошади» обнаружены в засыпке ямы у юго-восточной стенки – по всей глубине вплоть до дна. В могиле были погребены трое умерших: шести, шести и семи лет. Погребальный инвентарь представлен сосудами, разнообразными и многочисленными украшениями, в том числе фрагментами сложного головного убранства, амулетом из клыка *Canis*, астрагалами МРС. На дне ямы лежали также остатки напутственной пищи – кость конечности и ребро [Виноградов, 2000, с. 27–29].

Второе погребение алакульской культуры выявлено в кургане №9 могильника **Купухга** (Оренбургская обл., Россия). Там в могиле подростка присутствовали более 100 таранных костей коровы и овцы [Кузьмина, 1963, с. 103].

Третий алакульский комплекс был обнаружен при исследовании ограда №8 могильника **Лисаковский IV** (Костанайская обл., Казахстан). В ограде находились несколько захоронений. Из них шесть демонстрировали следы проникновений, совершившихся, вероятно, в древности и преследовавших, скорее всего, ритуальные цели. В погребении 3, оставшемся нетронутым, выявлены два черепа детей (возраст – 4–5 лет). Кости посткраниальных скелетов отсутствовали. Как полагают авторы, «головы перед помещением их в могилу были отделены от тел умерших». Кроме того, были разрушены верхняя и нижняя челюсти одного из покойников, а извлеченные из них зубы положены близ останков головы в три ряда. Там, где должны были располагаться кости ног погребенных, лежала кость передней ноги барана. В юго-западном углу могильной ямы (близ черепов и трех сосудов) выявлены «девять коровьих таранных костей со следами обработки, явно предназначенные для игры» [Усманова, Мерц, Колбина, 2006, с. 73]. Авторы отмечают: «Наличие игральные кости указывает на то, что

* В публикации возраст умершего не уточняется. То, что он являлся подростком, можно допустить с учетом параметров костяка.

погребение, вероятно, принадлежало мальчикам, находившимся, исходя из одинакового возраста... и захоронения в одной могиле, в родственных отношениях. Возможно, они были братьями-близнецами» [Усманова, Мерц, Колбина, 2006, с. 75].

В *саргаринско-алексеевской культуре* обрядовые «тексты», включавшие таранные кости КРС, известны нам только на поселениях. В частности, на поселении **Алексеевское** (Костанайская обл., Казахстан) близ юго-восточного угла землянки 1 (снаружи) находилась компактная куча из 20 астрагалов КРС [Кривцова-Гракова, 1948, с. 125; табл. III].

На поселении этой же культуры **Садчиковка** (Костанайская обл., Казахстан) в заполнении землянки 3 (близ юго-западной стенки) размещались костяные наконечник дротика, проколка и расколота «бабка» КРС со сверлиной [Кривцова-Гракова, 1951, с. 177; рис. 2].

На поселении финальной бронзы **Кузьминки II** (Оренбургская обл., Россия) в юго-западной части котлована постройки была выявлена яма 4, где находился костяк человека, сильно скорченного на правом боку и ориентированного на северо-запад. На черепе имелись следы древнего пролома. За спиной погребенного* лежали «альчики» КРС (число их не указано). Рядом с костяком локализовались также кости животных, а в заполнении – угли, комки обожженной глины и куски мела. Авторы публикации считают, что захоронение можно трактовать как жертвоприношение [Моргунова и др., 2001, с. 102–103].

Весьма репрезентативны материалы, которые нам удалось собрать по *срубной культуре*. Следует отметить, что астрагалы КРС, выявленные в погребениях и на поселениях этой культуры, уже привлекали внимание некоторых исследователей (см., например: [Горбов, Мимоход, 1999, с. 27, 29, 31; Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85–86; Изотова, 2000, с. 121; Цимиданов, 2008, с. 69; Антипина, 2011а, с. 195–196; 2011б, с. 230; Усачук, 2011, с. 208–209; 2012, с. 232; Горбов, Усачук, 2011, с. 55–56; Рослякова, 2011, с. 271; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 356, 358, табл. 9, 11; 2013, с. 211 и след.]). Однако знаковая нагрузка рассматриваемых предметов почти не изучалась. Для того чтобы продвинуться в ее понимании, мы обработали серию комплексов срубной культуры, содержащих интересующие нас артефакты. Данные комплексы уместно разбить на три блока:

I. Погребения, где астрагалы КРС были помещены на дне могильных ям, т.е. являлись погребальным инвентарем. Таких комплексов учтено 28 (см. приложение).

II. Астрагалы КРС, положенными вне могильных ям (учтено пять).

III. Поселенческие комплексы (их нам известно шесть).

Комплексы I блока

Данные комплексы составляют лишь 0,31% в массиве из учтенных нами 8488 захоронений срубной общности. При этом частота встречаемости погребальных комплексов данного блока на восточной территории общности (Южный Урал, Среднее и Нижнее Поволжье) значительно выше, чем на западной (Подонье, Предкавказье, Подонцовье, Приазовье, Крым, юг Среднего Поднепровья и Нижнее Поднепровье) – 0,55% против 0,15%. Самый высокий показатель дает север Нижнего Поволжья (в пределах Саратовской обл., Россия) – 1,17%.

* Судя по параметрам костяка, он являлся подростком.

Из учтенных нами 20 захоронений **восточной территории**, где астрагалы КРС выступали в качестве погребального инвентаря, одно оказалось разрушенным, а потому возраст умершего не устанавливается. По остальным комплексам он известен в тех или иных пределах. Двое погребенных являлись взрослыми (женщины, в том числе молодая), что составляет 10,5% от 19 захоронений с определенным возрастом. Остальные (89,5%) были детьми и подростками. Среди них – лица 2,5–3, 5–6, 6–7 (три случая), 7–8, 8, 7–10 (2), 8–10, 10–12 и 12 лет. Возраст четырех умерших обозначен термином «ребенок», а одного – «подросток». Итак, на восточной территории с астрагалами КРС погребали по большей части тех, кто умер в возрастном интервале 6–12 лет.

В погребениях восточной территории встречено разное число астрагалов КРС – от 1 до 24. Стоит обратить внимание на то, что в 14 погребениях астрагалы КРС входили в состав одного «текста» с астрагалами других животных (ниже – погребения группы А). В частности, «текст» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» зафиксирован в шести случаях, «текст» «астрагалы КРС + астрагалы МРС + астрагалы свиньи» – в трех. По одному разу встречены «тексты» «астрагал КРС + астрагалы овцы + астрагалы козы», «астрагалы КРС + астрагалы свиньи», «астрагалы КРС + астрагал овцы + астрагал козы + астрагал свиньи», «астрагал КРС + астрагал козы + астрагал МРС + астрагалы свиньи» и «астрагалы КРС + астрагалы МРС + астрагалы свиньи + астрагалы лошади». Таким образом, «связку» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» демонстрировали 11 «текстов», «связку» «астрагалы КРС + астрагалы свиньи» – семь, а «связку» «астрагалы КРС + астрагалы лошади» – лишь один. Отсюда видно, что различные в видовом плане сочетания таранных костей имели разную степень «популярности», что, очевидно, было предопределено величиной их семиотического статуса.

В шести захоронениях восточной территории астрагалы КРС выступали в качестве самостоятельных знаков – они не были дополнены астрагалами других животных (ниже – группа Б).

Вопрос о том, что различало умерших из групп А и Б, пока труден в решении, ибо сводка анализируемых погребений недостаточно репрезентативна. Тем не менее некоторые наблюдения сделать все-таки можно:

1) погребения взрослых присутствуют только в группе А. Вместе с тем в этой группе есть и погребения детей и подростков, в том числе 2,5–3, 5–6, 7–10 и 12 лет. Из этого вытекает, что попадание в могилу набора, включавшего астрагалы животных разных видов, не предопределялось возрастом умершего;

2) в 50% погребений группы Б находились украшения – височные подвески, бусы (Неприк, 2/2; Максютово, 3/7; Южный, 11/1). В группе А погребений с височными подвесками и бусами нет вообще. В одном захоронении (Владимировка-I, 2/1), правда, обнаружены остатки браслета, но это погребение являлось разрушенным и к тому же – коллективным, а потому не ясно, тяготели ли астрагалы именно к тому покойнику, который был погребен с браслетом. Но даже если это и так, можно отметить, что в погребениях группы А украшения встречаются намного реже, чем в группе Б;

3) только в захоронениях группы А встречены сосуды с иррегулярным орнаментом (Съезжее-II, п. 32; Владимировка-I, 2/3);

4) только в группе А присутствуют захоронения, сопровождавшиеся жертвоприношениями животных (Владимировка-I, 2/1; Новая Михайловка-IV, 5/6; Максютово, 3/3).

На **западной территории** учтены восемь погребений с астрагалами КРС. Возраст одного из умерших не известен. Из остальных семи двое (28,6%) были взрослыми (при этом в одном случае пол определен как женский со знаком вопроса). Пять умерших являлись детьми или подростками (в том числе 7–14 и 16–18 лет). Таким образом, на западной территории астрагалы попадали в захоронения взрослых значительно чаще, чем на восточной. Тем не менее и на западной территории они более коррелировались с детьми и подростками, чем со взрослыми. Вдобавок очень осторожно можно допустить, что в тех случаях, когда рассматриваемые предметы клались в могилы взрослых, последние являлись женщинами.

Число астрагалов КРС в погребениях различно – от 1 до 37. Пять погребений относятся к группе Б, а три – к группе А. Последние демонстрировали «тексты» «астрагалы КРС + астрагалы МРС» (два случая) и «астрагалы КРС + астрагалы МК + I фаланги лошади». Как можно заметить, на западной территории в массиве захоронений с астрагалами КРС удельный вес комплексов группы Б значительно выше, чем на восточной – 62,5% против 30,0%. Сравнить захоронения двух отмеченных групп западной территории между собой пока не имеет смысла из-за незначительного объема выборки. Отметим лишь то, что самое неординарное по трудовым затратам погребение из учтенных нами на западной территории (Новониколаевка-I, 1/5)* относится к группе А.

Комплексы II блока

В кургане 1 из **Березового Гая VI** (Самарская обл., Россия) правый астрагал КРС находился в насыпи, не тяготея при этом ни к одному из погребений [Рослякова, 2014б, с. 32]. Более интересная ситуация была зафиксирована в кургане №2 из **Бобровки-VI** (Самарская обл., Россия). Там астрагал КРС (также правый) выявлен в южном секторе рва [Рослякова, 2014б, с. 33].

Еще три учтенных комплекса выявлены в Приазовье. В частности, в кургане №1, исследованном близ **Широкой Балки** (Донецкая обл., Украина), к югу от погребений 2 и 7 (в 0,47 и 0,45 м соответственно) размещалось по одному астрагалу КРС. Добавим, что эти астрагалы являлись левыми и демонстрировали заполированность отдельных участков гребней. В могилах погребены дети 3–5 лет (1/2) и 2–4 лет (1/7). Оба захоронения ординарны. Погребальный инвентарь представлен сосудами (по одному в каждом) [Горбов, Усачук, 2011, с. 48, 49–50]. Третье захоронение, напротив, подчеркнуто неординарно. Это – п. 7 к. 3 могильника **Новоукраинка** (Запорожская обл., Украина). Оно было совершено между двумя ранними курганами и сопровождалось досыпкой, соединявшей данные курганы**. С погребением были связаны кострище, локализовавшееся на краю выкида, и обожженная жертвенная площадка размерами 7,0x4,8 м, в центре которой лежали лопатка животного и один астрагал КРС. Умерший являлся взрослым. В могиле, помимо глиняного сосуда, находились бронзовая пластинка и остатки деревянной чаши с бронзовыми накладками [Антонов, Отрошенко, 2004, с. 21, 23–24]. Стоит отметить, что подобные чаши в срубной культуре являлась маркером статуса служителя культа [Цимиданов, 2004б, с. 75–76].

* Повышенные трудовые затраты в данном случае проявились в рытье большой могильной ямы (площадь – 2,4 кв. м), сооружении сруба, возведении над могилой досыпки.

** Такие соединительные досыпки на западной территории срубной общности маркировали лиц высшего ранга [Цимиданов, 2004б, с. 40, 69]. О семантике данных досыпок см.: [Цимиданов, 2004а].

Приведенная информация о комплексах II блока позволяет сделать два наблюдения:

- 1) в такие комплексы попадало по одному астрагалу;
- 2) в ходе обрядов, приводивших к образованию данных комплексов, вероятно, какую-то роль играло южное направление.

Комплексы III блока

На поселении **Олаир** (Башкортостан, Россия), относящемся к так называемым срубно-алакульским памятникам, в колодце 4 обнаружен астрагал КРС с отпиленной половиной (рис. 1.-8). Другие находки из колодца – фрагменты керамики, два фрагментированных глиняных пряслица, заготовка пряслица из стенки сосуда, обломок костяной рукояти и каменное орудие неясного назначения [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 31, 55]. При интерпретации данного комплекса следует учесть, что колодцы у многих народов, в том числе и у носителей срубной культуры, считались сакральными объектами. В частности, они нередко рассматривались как входы в потусторонний мир [Подобед и др., 2014, с. 287]. То, что интересующий нас колодец являлся не только сугубо утилитарным сооружением, свидетельствует выявленный в нем на глубине 1,0–1,1 м слой прокала (общая глубина колодца – 1,6 м) [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 31]. Очевидно, данный слой мог образоваться лишь тогда, когда колодец был частично заполнен грунтом. Но разжигание огня в полузасыпанном колодце едва ли можно рассматривать как профанное действие. Скорее всего, оно преследовало обрядовые цели. Отсюда правомерно допущение, что и предметы, находившиеся в заполнении колодца, попали туда в ходе обрядовых манипуляций.

Еще один астрагал КРС с данного памятника (рис. 1.-7) был выявлен в квадрате E-18 [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 56; рис. 69.-15], через который проходила стенка постройки [Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 5]. И хотя не вполне ясно, размещался ли артефакт в постройке или рядом с ней, факт его тяготения к стене представляется нам заслуживающим внимания. Вспомним, что стены жилищ имели повышенный семиотический статус, поскольку являлись границей, отделявшей «свое», «безопасное», «освоенное», «чистое» пространство от внешнего мира, считавшегося «чужим», «опасным», «неосвоенным», «нечистым» [Булава, 2005, с. 95]. В определенных ситуациях внешний мир рассматривался как мир мертвых [Байбурин, 1983, с. 138]. Соответственно, предметы, обнаруженные на границах жилищ, скорее всего, были помещены туда намеренно. В случае с астрагалом из Олаира важным моментом является наличие на данном артефакте орнамента. Эта деталь свидетельствует о высокой знаковой нагрузке кости.

Серия астрагалов КРС находилась в «ритуальном комплексе» (термин автора публикации), выявленном на поселении **Макаровская Речка** (Саратовская обл., Россия). Объект представлял собой яму размерами 1,87x1,16 м (по верхнему краю) и глубиной 0,6 м, локализовавшуюся в центральной части котлована постройки и ориентированную по линии ССВ–ЮЮЗ. Некоторые из астрагалов КРС обнаружены в заполнении ямы (наряду с астрагалами барана, скребками из стенок сосудов, каменным орудием неясного назначения, фрагментами керамики и костями животных). Другие размещались на дне, занимая следующие позиции:

- а) в северной части ямы (3 экз.) между двумя скоплениями золы, одно из которых содержало частички коричневой охры, угольки и кальцинированные косточки; близ астрагалов лежали фрагмент сосуда и обломок кости животного;

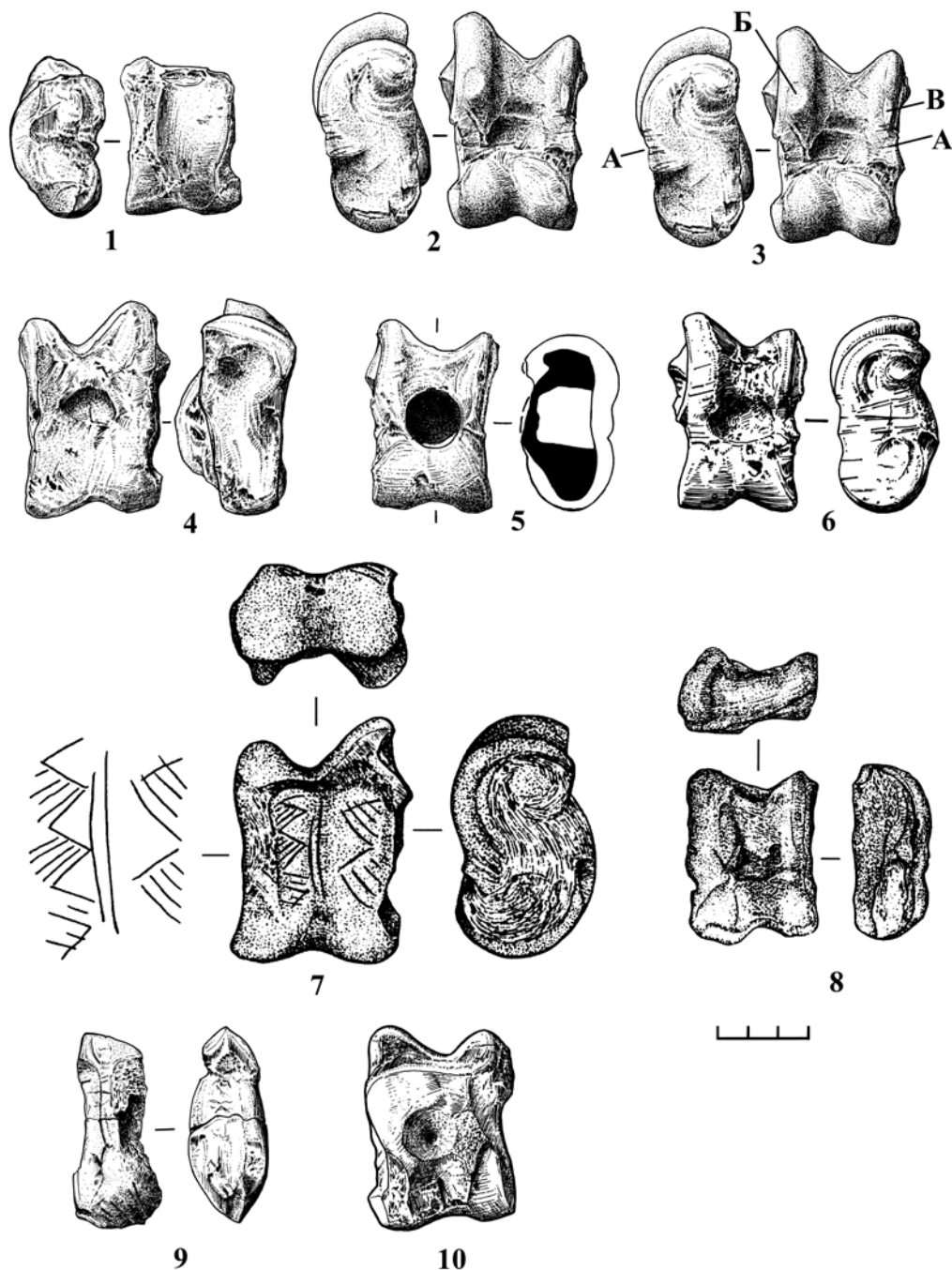

Рис. 1. Астралаги (таранные кости) КРС: 1–5 – пос. Безыменное-II (3 – схема расположения следов резки и шлифованных участков на астралаге); 6 – пос. Староласпинское; 7, 8 – пос. Олаир (по: [Сунгатов, Бахшиев, 2008]); 9 – пос. Раздолье-1 (по: [Усачук, 2011]); 10 – Суботовское городище

б) в северо-западном углу;
в) в центральной части; рядом выявлены кусочек желтой охры и остатки светло-зеленого глина.

Добавим, что на дне ямы – ближе к северо-восточному углу – лежали астрагал барана и тупик из челюсти КРС, у северной стенки – кусочки красной и желтой охры, у восточной стенки – астрагал барана, у западной стенки – астрагал барана, фрагмент сосуда и кость животного [Изотова, 2000, с. 121; 2006, с. 159–160].

На поселении **Ляпичев Хутор** (Волгоградская обл., Россия) в яме 14, находившейся в землянке 3, были обнаружены пять таранных костей КРС. На двух из них видны следы резки, оставленные острым металлическим лезвием [Усачук, 2012а, с. 232]*. Вероятно, таранные кости из ямы 14 были целенаправленно расколоты, поскольку в коллекции они представлены склеенными экземплярами. В этом же жилище на полу размещались, как отметил М.П. Грязнов в полевом дневнике, «кучки расколотых астрагалов быка» [Горбов, Усачук, 2011, с. 56]. Сколько выявлено таких кучек, в дневнике не уточняется. Но то, что они связаны с обрядовой практикой, едва ли может вызывать сомнения.

На поселении **Халаджи Бахчи** (Донецкая обл., Украина) во входе в постройку (справа) выявлена компактная кучка из 13 астрагалов КРС, которые были, вероятно, помещены в небольшую ямку [Привалов и др., 2001].

Отметим, что нами учтен 491 поселенческий культовый комплекс срубной культуры. В этом массиве перечисленные выше комплексы III блока составляют только 1,22%** . Для сравнения: соответствующий показатель по астрагалам МК – 3,05%.

Стоит сказать и об астрагалах КРС, обнаруженных на срубных поселениях вне явных культовых комплексов, а именно о тех из них, которые демонстрируют следы различных манипуляций, производившихся с данными костями. В частности, большая серия отмеченных артефактов была выявлена при раскопках поселения **Безыменное-II** (Донецкая обл., Украина). Среди этих предметов, в зависимости от характера имеющихся на них антропогенных следов и сочетаний разных следов, можно выделить следующие группы:

- 1) астрагалы со следами резки (вычленения из конечностей), производившейся металлическим лезвием (4 экз.);
- 2) астрагалы с залощенной поверхностью (4 экз.); в одном случае лощение выражено очень сильно;
- 3) астрагалы со следами резки и лощения (11 экз.); в трех случаях лощение было сильным;
- 4) астрагал (рис. 1.-2) со следами резки (рис. 1.-3А) и пришлифованными участками (рис. 1.-3Б, В) на краниальной стороне (1 экз.);
- 5) астрагалы со сточенными участками (3 экз.); возможно, они являлись заготовками для каких-то изделий (рис. 1.-1, 4);
- 6) астрагал – «упор» (1 экз.) (рис. 1.-5);

* Подобные следы свидетельствуют о целенаправленном вычленении астрагалов из конечностей животных [Антипина, 2004, с. 191; 2011, с. 195; Усачук, 2011, с. 209; Рослякова, 2014б, с. 72].

** При подсчетах из-за недостаточности информации по жилищу 3 поселения Ляпичев Хутор мы условно рассматривали кучки расколотых астрагалов, находившиеся на полу постройки, как один комплекс.

7) орудие из астрагала неясного функционального назначения (1 экз.)*.

Следы резки, свидетельствующие о вычленении таранных костей из конечностей, демонстрируют и пять астрагалов КРС с поселения **Староласпинское** (Донецкая обл., Украина). Данные следы при этом были многочисленны и находились на разных сторонах костей [Усачук, 2000, с. 107] (рис. 1.-6).

Подобные следы имеются также на двух таранных костях КРС (правой и левой), обнаруженных при раскопках поселения срубной культуры **Лесопитомник-4** (Тульская обл., Россия) [Антипина, 2011, с. 195; Усачук, 2011, с. 209], и левом астрагале КРС с поселения **Раздолье-1** (Тульская обл., Россия) [Усачук, 2011, с. 207]. На последнем памятнике обнаружен и еще более интересный артефакт – изделие из астрагала быка [Антипина, 2011, с. 195–196]. В качестве сырья для поделки была выбрана левая таранная кость. Ее раскололи надвое и сильно подрезали (см.: [Усачук, 2011, рис. 2.-1]) (рис. 1.-9). Поверхность артефакта залощена. Очевидно, это является следствием какого-то использования поделки [Усачук, 2011, с. 207, 208]. И хотя характер использования вещи, равно как и ее функциональное назначение, не ясны**, велика вероятность, что рассматриваемый предмет функционировал в культовой сфере [Усачук, 2011, с. 208].

Говоря о следах резки на таранных костях КРС, укажем на материалы **Мурадымовского** поселения срубной культуры (Башкортостан, Россия) [Усачук и др., 2010, с. 169]. Помимо этого, среди костяных орудий и изделий мурадымовской коллекции присутствует таранная кость КРС с пробитым отверстием***.

Среди материалов из раскопок рудника **Червонэ озеро-1** (Луганская обл., Украина) найдено орудие из таранной кости КРС. Трасологическая обработка этого орудия позволяет считать ее абразивом (лощиком?)**** по твердому материалу [Загородняя, 2014, с. 144–145, 214]. Впрочем, О.Н. Загородняя [2014, с. 145] говорит о полифункциональности подобных изделий.

Осмысление информации о таранных костях КРС, выявленных на срубных поселениях вне явных культовых комплексов, позволяет сделать следующие выводы:

1) астрагалы КРС целенаправленно извлекались из конечностей животных, что свидетельствует о важности данных предметов для жителей поселений;

2) лишь немногие из вычлененных астрагалов шли затем на изготовление орудий. Что делали с прочими – не ясно. Наличие на некоторых из них следов, не связанных с использованием данных костей в качестве орудий (главным образом, лощения), позво-

* Обратим внимание на то, что далеко не все таранные кости КРС, найденные на Безыменном-II, имели следы антропогенного воздействия. В свое время, например, С.М. Паленой были проведены промеры таранных костей КРС срубных поселений Безыменное-I, Безыменное-II и Широкая Балка-II в рамках обработки археозоологических коллекций этих памятников [Паленая, 2000, с. 83] под руководством Е.Е. Антипиной. В таблице промеров таранных костей КРС Безыменного-II значатся 102 экз. (архив А.Н. Усачука), в то время как следы выявлены только на 24 экз.

** Напомним об астрагале КРС с отпиленной половиной, обнаруженном в колодце 4 поселения Олаир. Возможно, он предназначался для тех же манипуляций, что и поделка из Раздолья-1.

*** Трасологическое изучение костяных изделий из Мурадымово в разные годы начала XXI в. было осуществлено одним из авторов. По поводу интересующего нас изделия в рабочих записях написано: «Таранная кость КРС с пробитым отверстием. Края отверстия после этого немного подправлены лезвием. Очень легкая залощенность поверхности изделия и еще более слабая залощенность края отверстия. Канал отверстия без лощения» (архив А.Н. Усачука). Трасологических данных явно недостаточно для выяснения функции пробитого астрагала.

**** Вопрос поставлен О.Н. Загородней [2014, с. 214, табл. 3].

ляет допускать, что рассматриваемые предметы находили применение в неутилитарной сфере. Служили ли они для игр или являлись обрядовыми атрибутами – проблема, требующая дальнейшей разработки, причем лишь трасологические исследования позволят хоть в какой-то мере продвинуться в данном направлении. Пока же отметим то, что ни на одном из упомянутых выше астрагалов КРС не имелось следов забитости, т.е. данные предметы не использовались в качестве биток для игры в кости, как это зафиксировано, например, у таджиков [Пещерева, 1957, с. 65].

Возвращаясь к таранным костям с антропогенными следами, выявленным на поселении Безыменное-II, заострим внимание на некоторых нюансах их размещения в пределах поселения. Более половины данных артефактов (13 из 24) обнаружены на участке, где локализовался специализированный производственный комплекс, связанный с обработкой кожи [Горбов, Усачук, 2000, с. 98–99] (рис. 2). При этом ни один из астрагалов не демонстрирует следов, которые говорили бы о его использовании в кожевенном производстве. Отсюда, на наш взгляд, возможны два вывода:

- 1) таранные кости КРС были каким-то образом связаны с данным производством;
- 2) отмеченная связь носила не технологический, а, скорее всего, обрядовый характер.

Показателен и еще один нюанс: 7 из 13 астрагалов, тяготевших к производственному участку, одновременно находились на восточном краю памятника (рис. 2). Напомним, что граница селения у многих народов считалась обителью злых сил (см., например: [Сказки..., 1991, с. 43; Толстая, 1991, с. 396]), рубежом, отделяющим людей от мира мертвых [Афанасьев, 1995, с. 20].

Говоря об изделиях из таранных костей КРС, следует упомянуть и заготовку, скорее всего, рукоятки-«упора» (рис. 1.-10) из материалов **Суботовского** городища (Черкасская обл., Украина), относящегося к *чернолесской культуре*.

Обобщая приведенные выше факты, можно констатировать, что в культурах эпохи бронзы астрагалы КРС использовались в самых разнообразных обрядовых манипуляциях. Важнейшими из них (судя по повторяемости) являются следующие:

1. Таранные кости клали в могилы в качестве погребального инвентаря. Применительно к срубной культуре вырисовывается корреляция астрагалов КРС с лицами 6–12 лет и женщинами. Материалы по другим культурам нерепрезентативны. Тем не менее они демонстрируют близкую картину. В пяти случаях рассматриваемые предметы являлись инвентарем детей и подростков (Большекараганский, 25/16; Восточно-Курайли-I, 10/4; Купухта, к. 9; Лисаковский-IV, ограда 8, погребение 3; Кузьминки-II, яма 4). В погребении 35 из Бестамака обработанный астрагал КРС выступал в качестве атрибута женщины. В захоронении из Убагана-I выявлены костяки лиц 4–6, 6–9 лет и взрослого возраста. При этом взрослый сопровождался бронзовым браслетом. Данная категория украшений в культурах эпохи бронзы рассматриваемой территории относилась к женским, а не к мужским атрибутам [Усманова, 1992, с. 98–99, 102; Калиева, Логвин, 2008, с. 48; Хаванский, 2012, с. 124, 125]. Таким образом, независимо от того, кому сопутствовали астрагалы КРС в рассматриваемом погребении, комплекс демонстрирует связь этих предметов с детьми, подростками или женщинами. Наконец, в погребении из Кривого Озера, 1/2 находились останки ребенка, подростка и взрослого, причем не известно, кого из них сопровождали астрагалы. Итак, нет ни одного бесспорного случая, где астрагалы КРС сопутствовали бы взрослому мужчине.

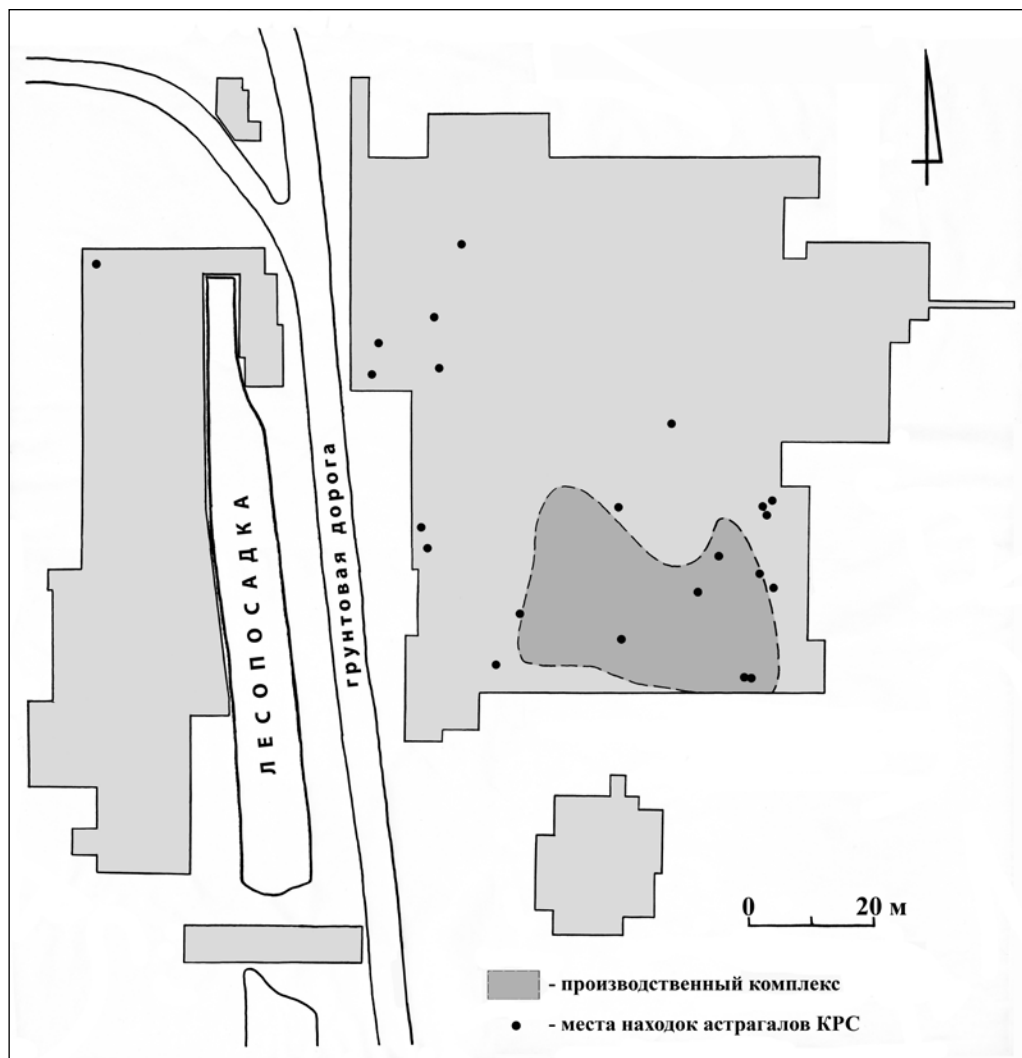

Рис. 2. Схема находок астрагалов КРС в рамках центральной части пос. Безыменное-II (без раскопов III и III-A, расположенных севернее, и раскопа XIV, расположенного юго-западнее) по отношению к производственному комплексу, связанному с обработкой кожи

2. Астрагалы КРС клали на перекрытия захоронений (Солнце-II, 11/1; Кривое Озеро, 9/7; вероятно, Кулевчи-VI, 5/3), около могил (Широкая Балка, 1/2, 1/7), во рвы, окружавшие подкурганные площадки (Бобровка-I, к. 2), т.е. на границы, отделявшие могильные ямы (входы в потусторонний мир) от мира живых.

3. Таранные кости КРС помещали и у границ жилищ – близ стен (Олаир, кв. Е-18; Садчиковка, землянка 3), углов построек (Аркаим, жилище 1–11; Алексеевское, землянка 1), входов в жилища (Халаджи-Бахчи). В одном случае (Безыменное-II) астрагалы демонстрировали повышенную концентрацию на краю поселения (рис. 2).

Отмеченное тяготение таранных костей КРС к границам между мирами живых, с одной стороны, и мертвых и демонов – с другой, позволяет предположить, что астрагалы КРС призваны были блокировать каналы связи с потусторонним миром. То, что рассматриваемые предметы могли выполнять охранительную функцию, подтверждается фактом присутствия астрагала КРС в одном «тексте» с наконечником дротика и проколом в землянке 3 поселения Садчиковка. Последние два предмета, будучи острыми, могли использоваться для отпугивания нечисти (см., например: [Подобед и др., 2013а, с. 33–34; 2013б, с. 42–43]). Вероятно, астрагалы, обнаруженные во рвах поселений Мало-Кизильское и Аркаим и ровике кургана №2 могильника Бобровка-1, были помещены туда с аналогичной целью, поскольку рвы (оборонительные и иные) выполняли не только утилитарную функцию, но и считались магическими преградами от злых сил [Подобед и др., 2013а, с. 33]. Подобным же образом правомерно трактовать и факт обнаружения астрагала в колодце поселения Олаир, если мы вспомним, что колодцы считались путями в иной мир.

Словом, астрагалы КРС в контексте некоторых обрядов могли выступать в качестве медиаторов, выполнявших блокирующую функцию. Но медиаторы обладают семантической двунаправленностью. Они используются как для «замыкания» границы между мирами, так и для ее преодоления [Топорков, 1989, с. 66; Новикова, 2008, с. 434; Сериков, 2009, с. 406]. Последнее действие преследовало цель вступить в контакт с высшими силами ради получения определенных благ. Не исключено, что именно для этого использовались астрагалы КРС, найденные в ямах поселений Марковская Речка и Ляпичев Хутор. Здесь нелишне вспомнить, что дважды астрагалы КРС размещались рядом с крыльями птиц – утки и гуся (Солнце-П, 11/1; Бестамак, п. 35). Поразительно, но, несмотря на крайне малый объем учтенной нами сводки погребений с таранными костями КРС, «текст» «астрагал КРС + крыло птицы» встречен дважды. Отсюда видно, что он имел высокий семиотический статус. В связи с этим стоит сказать, что птицы семейства утиных, куда относятся различные виды уток, гусей и лебедей, во многих мифологических системах предстают как медиаторы между мирами (см., например: [Селиванова, 1998, с. 373–379; Шалганова, 2001, с. 502, 504–505]). Медиативность названных птиц отразилась, в частности, в фольклоре. Вспомним хотя бы известную русскую сказку «Гуси-лебеди», где эти «гуси-лебеди» несут мальчика к Бабе-Яге [Народные русские сказки, 1982, с. 73–75], т.е., согласно разработкам В.Я. Проппа [1986, с. 11], в потусторонний мир, или украинскую сказку «Телесик», где гуси, напротив, спасают ребенка от змеи-людоедки* [Українські народні казки, 1989, с. 167–173], т.е. выносят из потустороннего мира. Добавим, что крылья птиц во многих культурах выступали как символы перемещения, в том числе между мирами, и отсюда они (или перья) нередко являлись атрибутами шаманов (см., например: [Итс, 1990, с. 223; Березницкий, 1999, с. 112, 115; и др.]). В данном плане показательны детали убранства головного убора из знаменитого сакского захоронения кургана Иссык (Казахстан). На лицевой стороне колпака были прикреплены золотые пластины в виде птичьих крыльев [Акишев К.А., 1978, рис. 62]. Очевидно, в сознании творцов головного убора изображения крыльев символизировали средство перемещения. По гипотезе А.К. Акишева [1978, с. 45–46], украшения иссыкского колпака были связаны с идеей полета жреца, осуществлявшего связь между мира-

* Данный персонаж семантически тождествен Бабе-Яге.

ми. Из всего отмеченного правомерен вывод, что астрагалы КРС, коррелировавшиеся с птичьими крыльями, тоже могли мыслиться как средства, позволяющие отправляться в иномирье.

Кроме двух реконструированных выше обрядовых функций, у астрагалов КРС была, как минимум, еще одна – та, что предопределяла их вхождение в состав погребального инвентаря, особенно в состав «текстов», включавших, помимо астрагалов КРС, таранные кости других животных. Не исключено, что подобные наборы являлись игровыми. Правда, как показывают этнографические материалы и другие источники, в играх использовались по большей части астрагалы МРС или других МК (см., например: [Андреев, Половцов, 1911, с. 33; Пещерева, 1957, с. 61; Клейн, 1997, с. 53; Жуковская, 1988, с. 56–57; Гущина, Засецкая, 1994, с. 21; Морозов и др., 1997, с. 205–207; Буксикова, 2002, с. 94; Морозов, Слепцова, 2004, с. 652–664; Маразов, 2007, с. 73; Сатаев, 2008а, с. 159; Стрельник та ін., 2009, с. 35; Завьялов, 2010, с. 340; Усачук, 2012б, с. 153; Панковський, 2012, с. 84–89; Панковський, 2013, с. 454–455; и др.]). Тем не менее у ряда народов зафиксированы и игры, где, наряду с астрагалами МК, использовались и таранные кости КРС [Пещерева, 1957, с. 65, 66; Петерс, 1986, с. 77–84*; Бородовский, 1997, с. 45, Флерова, 2001, с. 111; Малахов, Соков, 2008, с. 61; Татаурова, 2008, с. 198; Стрельник та ін., 2009, с. 38, 40, 41, 42; Сергеева, 2011, с. 99; Шуликов, 2013, с. 71; и др.]**.

Вместе с тем астрагалы КРС, как и некоторые другие кости, в ряде культур выступали в качестве символов животных. Это имело место, например, в детских играх*** и культах народов Сибири и Центральной Азии [Липский, 1966, с. 116; Павлинская, 1988, с. 229–230, 237–238; Ботякова, 1991, с. 36; Кустова, 1996, с. 14; Молодин, Ефремова, 1998, с. 305–306; Буксикова, 2002, с. 94; Кидиекова, Кустова, 2012, с. 216; Назаркин, 2013, с. 95****]. Аналогичная информация есть и по индейцам Южной Америки [Фріч, 1979, с. 117]. Широкий территориальный разброс данной практики позволяет допускать ее обусловленность общечеловеческими особенностями восприятия. Отсюда правомерно предполагать, что в рассмотренных «текстах» (или, во всяком случае,

* Б.Г. Петерс [1986, табл. XVI.-1, 2; XVII.-2, 11, 12, 14, 19] использует в своей сводке в основном изделия из таранных костей МК, но в иллюстрациях присутствуют и астрагалы КРС.

** Р.М. Сатаев [2008а, с. 159] отмечает, что «...игры с использованием астрагалов МРС имеют место и у современных туркмен». Очевидно, ситуация с играми в кости в туркменской среде более богатая. В начале октября 1993 г. один из авторов (А.Н. Усачук) во время работы в ЮТАКЭ под руководством В.М. Массона (отряд Н.Ф. Соловьевой) в доме Ахмеда Реджепова (с. Меана, Кахинский этрап, Ахалский вেলাят, Туркменистан) наблюдал игру, где применялись таранные кости МРС (10 экз.) и КРС (2 экз.). Астрагалы хранились в небольшом детском ведерке (использовались детьми в своих играх?). Бросались одной рукой, при этом более легкие астрагалы МРС часто переворачивались, в отличие от массивных астрагалов КРС. Подсчет очков шел по сторонам, оказавшимся после броска верхними. Играющие очень хорошо знали стороны астрагалов, поэтому считали очки чуть ли не мгновенно после броска, затем кости быстро собирал и бросал следующий игравший.

*** Обращение к детским играм в нашем случае вполне корректно, поскольку игры вообще и детские в том числе, как правило, являются отголосками древних обрядов и магических действий [Цивьян, 1988; Тайлор, 1989, с. 71–73; Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 131; Зогович, 2009, с. 57].

**** Отголосками данной символики является, вероятно, использование на Русском Севере термина «бык» применительно к таранной кости, которая в ходе игры упала вогнутой поверхностью кверху, и словосочетания «быков катать» для именованя самой игры (см.: [Морозов, Слепцова, 2004, с. 656]).

в части их) астрагалы КРС могли выступать как символы коров и быков и являться в контексте обряда либо символическими жертвами божествам, предкам и т.д.* , либо закодированными просьбами о ниспослании обилия скота. Впрочем, проблема трактовки упомянутых «текстов» из погребений заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что рамки работы не позволяют углубиться в эту тему.

Нелишне заострить внимание и на следующем. Одним из обрядовых действий, производившихся с астрагалами КРС, было их раскалывание по продольной оси**, что фиксируют артефакты с поселений Мало-Кизильское и Ляпичев Хутор. Возможно, половинки астрагалов из Олаира и Раздолья-1 также имели отношение к отмеченной манипуляции. Раскалывание таранных костей, похоже, играло определенную роль в поселенческой обрядности (ср. [Антипина, 2004, с. 194–195, 210; 2011, с. 178]), но пытаться реконструировать семантику данного действия преждевременно, так как для этого необходимо расширение базы источников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что астрагалы КРС в культурах эпохи бронзы, с одной стороны, служили сырьем для изготовления утилитарных изделий, главным образом орудий, а с другой – являлись атрибутами различных обрядов. При этом они, скорее всего, были полисемантически – в зависимости от характера обряда знаковая нагрузка астрагалов КРС была различной***.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список учтенных погребений срубной культуры с астрагалами КРС

РОССИЯ

Самарская обл.

1. Бузаевка-I, 4/4, костяк 2 [Рослякова, Косинцев, 2013, с. 213; Рослякова, 2014б, с. 72–74; 2014в, табл. 104; 106].
- 2, 3. Владимировка-I, 2/1 [Кузьмина и др., 2003, с. 223–224], 2/3 [Кузьмина и др., 2003, с. 224–225].
4. Неприк, 2/2 [Васильев, 1975, с. 23].
5. Новая Михайловка-IV, 5/6 [Васильева и др., 2012, с. 202; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 356].
6. Рождествено-I, 2/7 [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 89–90; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 358].
- 7, 8. Съезжее-II, п. 32 [Колев, 2003, табл.; Горбов, Усачук, 2011, с. 55], п. 36 [Колев, 2003, табл.]****.
9. Тростянка-I, 1/13, костяк 2 [Рослякова, 2014б, с. 87–88; 2014в, табл. 104; 106].
10. Широценка, 3/2 [Васильев, 1975, с. 27].

* Стоит отметить, что гипотеза об использовании астрагалов в качестве символической замены жертвенных животных уже высказывалась применительно к таранным костям МК [Ворошилова, 2008, с. 159; Нуралинова, 2008, с. 139].

** Любопытно, что с астрагалами МК, насколько нам известно, ничего подобного не делали.

*** Авторы считают приятным долгом поблагодарить своих коллег Н.М. Малова, В.Б. Панковского, Ю.Б. Полидовича и О.А. Полякову за помощь, оказанную при написании этой работы.

**** В данном погребении находились два астрагала КРС, а не один (ср.: [Горбов, Усачук, 2011, с. 55]).

Саратовская обл.

11–13. Максютово, 3/3 [Синицын, 1958, с. 298; Памятники..., 1993, табл. 1, №1], 3/6 [Синицын, 1958, с. 300–301; Памятники..., 1993, табл. 1, №4], 3/7 [Синицын, 1958, с. 301; Памятники..., 1993, табл. 1, №5].

14–16. Новопокровка-2, 1/3 [Юдин, 2007, с. 146–147; 2010, с. 54–55; Панковский, 2012, с. 87], 3/4 [Юдин, 2007, с. 149; 2010, с. 72], 3/5 [Юдин, 2007, с. 149–150; 2010, с. 72–73].

17. Ровное (Зеельман), А11/1 [Памятники..., 1993, табл. 1, №222].

18. Южный, 11/1 [Захариков, Цыбрий, 2009, с. 106].

Волгоградская обл.

19. Бережновка-II, 93/1 [Синицын, 1960, с. 95].

20. Новоникольский-II, п. 19 [Шилов, 1975, с. 38].

Воронежская обл.

21. Лощина, 1/1 [Березуцкий, Гринев, 2008, с. 107].

22. Русская Тростянка, 2/6 [Гуляев, 1964, с. 170].

Ростовская обл.

23. Пирамида-IV, 1/10 [Ромашенко, 2007, с. 156].

24. Сагва-II, 1/4 [Балабина, 1993, с. 40–42].

25. Сухо-Чалтырская, 1/8 [Ильюков, Ларенок, 1982, с. 159–160].

УКРАИНА

Луганская обл.

26. Александровск, 9/50 [Братченко и др., 2004, с. 69]*.

Донецкая обл.

27. Новониколаевка, 1/5 [Санжаров, 1996, с. 195]**.

Днепропетровская обл.

28. Николаевка-I, 6/5 [Ковалева и др., 1979, с. 32].

Библиографический список

Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 39–48.

Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.

Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Иш-кашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. IX. Т. 1. СПб. : Тип. Акад. наук, 1911. 41 с.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III : Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

Антипина Е.Е. Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М. : ГИМ, 2011а. С. 166–201.

* В публикации пишется, что в захоронении присутствовали «игральные кости – шесть больших, пять маленьких, три среднего размера» [Братченко и др., 2004, с. 69]. Судя по рис. 23.-8 из данной публикации, речь идет о путовых костях лошади (I фалангах), астрагалах МК и астрагалах КРС.

** Автор пишет о семи «овечьих астрагалах» [Санжаров, 1996, с. 195]. Судя по рис. 4, 5 из данной публикации, среди «овечьих» астрагалов находился и астрагал КРС.

Антипина Е.Е. Острая Лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. : Институт археологии РАН, 2011б. Вып. 2. С. 225–242.

Антонов А.Л., Отрощенко В.В. Особливості ритуального посуду зрубної спільноти // Археологія. 2004. №1. С. 18–30.

Антонова Е.В. О символизации жилища // Текст. Контекст. Подтекст : сборник статей в честь М.Н. Погребовой. М. : Институт востоковедения РАН, 2013. С. 34–57.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Современный писатель, 1995. Т. 3. 416 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 189 с.

Балабина В.И. Курганный могильник Сагванский II // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. М. : МГУ, 1993. С. 36–89.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 208 с.

Березуцкий В.Д., Гринев А.М. Россошанские курганы. Воронеж : Пресса ИПФ, 2008. 174 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Ботякова О.А. Детские игрушки у народов Средней Азии // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л. : ГМЭ народов СССР, 1991. Ч. II. С. 31–42.

Братченко С.Н., Балонов Ф.Р., Гершкович Я.П. Погребения эпохи энеолита и бронзового века Александровского кургана №9 на р. Лугань // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 3. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004. С. 30–74.

Булава А. Дом и его «обитатели» в мифологии восточных славян // Антропологические исследования в Молдове. Кишинев : ВАШ, 2005. С. 93–103.

Буксикова О.Б. Семантика десяти альчилов из гуннского погребения в Забайкалье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Омского пед. ун-та, 2002. С. 94–95.

Вадецкая Э.Б. Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 208–220.

Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев : КГПИ, 1975. С. 21–41.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 198–222.

Виноградов Н.Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи-VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск, 2000. Вып. VIII. С. 24–53.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. 362 с.

Ворошилова С.А. Астрагалы – особый элемент детского погребального обряда (по материалам могильника Бестамак) // XL Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Изд-во СГПУ, 2008. С. 157–159.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 24–69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 97–100.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Курган бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // Археологический альманах. №25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 46–70.

Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Далалық Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 348–370.

Грушин С.П. Ритуальные комплексы елунинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз I // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 76–84.

Гуляев В.И. Памятники эпохи бронзы у с. Русская Тростянка // Либеров П.Д. Племена Средне-го Дона в эпоху бронзы. М. : Наука, 1964. С. 162–174.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. Российская археологическая библиотека. 1. СПб. : Фарн, 1994. 172 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце-II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : ТО «Каменный пояс», 1996. С. 22–42.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск : ОАО «Челябинский дом печати», 2005. Кн. 1. 192 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, 1988. 197 с.

Завьялов В.И. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском // Материалы по истории и археологии России. Рязань : Александрия, 2010. Т. I. С. 337–348.

Загородняя О.Н. Орудия металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам Картамышского археологического микрорайона) : дис. ... канд. ист. наук. К., 2014. 363 с.

Захариков А.П., Цыбрий В.В. Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Научная книга, 2009. Вып. 7. С. 98–122.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. С. 17–106.

Зогович С. Ознаки деяких дитячих ігор із Македонії та їхня збереженість із минулого й дотепер // Народна творчість та етнографія. 2009. №3. С. 57–67.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж : ВГУ, 2000. С. 118–124.

Изотова М.А. Поселение эпохи бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 8. С. 154–172.

Ильюков Л.С., Ларенок П.А. Сухо-Чалтырские курганы бронзового века // Советская археология. 1982. №4. С. 157–164.

Итс Р. Шепот Земли и молчание Неба. Этнографические этюды о традиционных народных верованиях. М. : Политиздат, 1990. 318 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. №9. С. 32–58.

Кидиекова И.К., Кустова Ю.Г. Женское божество-охранитель из конской лодыжки // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 1. С. 215–217.

Клейн Л.С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. : Нестор, 1997. С. 47–66.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск : ДГУ, 1990. С. 59–71.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А.В. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск : ДГУ, 1979. Вып. III. С. 25–44.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее-II (материалы раскопок) // Материальная культура бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара : Изд-во СГПУ, 2003. С. 88–111.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 17–44.

Косинцев П.А. Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Ур. книж. изд-во, 2003. С. 333–344.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде срубной культуры (По материалам погребальных памятников Среднего Поволжья) // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск : Рифей, 1999. С. 83–87.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 83–157.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 57–164.

Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1951. №21. С. 154–181.

Кузьмина Е.Е. Купухта – могильник андроновской знати // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 96–105.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский-I // Вопросы археологии Поволжья. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2003. Вып. 3. С. 217–260.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 19 с.

Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Советская этнография. 1966. №1. С. 105–118.

Литвиненко Р.О. Похоронки культурного кола Бабине з астрагалами // Древности 2005. Харьков : НМЦ «МД», 2005. С. 74–86.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов : Наука, 2010. 244 с.

Малахов С.Н., Соков П.В. Знаки на астрагалах и изделиях из кости с раннесредневековых поселений Средней Кубани (VIII–IX вв.) // Археологический журнал. 2008. №11. С. 60–64.

Маразов И. Играта на ашици, гатанката, гадаенето // Миф. 12. Обредът. София : Изд-во на Нов български университет. С. 68–101.

Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Челябинск, 2002. Вып. 1. С. 39–48.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1954. №42. С. 39–156.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300–309.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. V. С. 99–125.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М. : Индрик, 2004. 920 с.

Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья : этнодиалектный словарь. М., 1997. 432 с.

Назаркин А.Д. Тофаларские народные игры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 93–97.

Народные русские сказки. М. : Художественная литература, 1982. 320 с.

Новикова О.И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. I. С. 433–434.

Нуралинова А.Г. Дети в обществе эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам погребальных памятников) // XL Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Изд-во СГПУ, 2008. С. 137–139.

Павлинская Л.Р. Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 222–252.

Паленая С.М. Кости животных из поселений Доно-Донецкого региона эпохи поздней бронзы: особенности мясного рациона и животноводческой деятельности населения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 82–85.

Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. Саратов : Изд-во СГУ, 1993. 200 с. (САИ. Вып. В.1–10).

Панковський В.Б. Лолінсько-бабинська дзига // Донецький археологічний збірник. 2012. Донецьк : Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012. №16. С. 77–99.

Панковский В.Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. К. ; Харьков : Майдан, 2013. С. 449–483.

Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. : Наука, 1986. 191 с.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. XVII. С. 22–94.

Подобед В.А., Усачук В.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса : Печатный дом ; Фаворит, 2011. Вып. 12. С. 86–124.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2013а. №5 (17). С. 23–44.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 33–48.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. Вып. 6. С. 283–293.

Попеско П. Атлас топографической анатомии сельскохозяйственных животных. Братислава : Природа, 1978. Т. 3. 195 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.

Привалов А.И., Привалова О.Я., Косиков В.А. Отчет об археологических исследованиях поселений Староласпинское и Халаджи Бахчи в бассейне реки Кальмиус // Научный архив ИА НАН Украины. 2001/73.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.

Ромашенко Н.И. Курганный могильник «Пирамида IV» // Археологические записки. Ростов на/Д : РРОО «Донское археологическое общество», 2007. Вып. 5. С. 150–169.

Рослякова Н.В. Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИА РАН, 2011. Т. I. С. 270–271.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014а. 27 с.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014б. Т. I. 183 с.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014в. Т. II. 155 с.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 348–378.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, №1. С. 211–218.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.В. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Уральское книж. изд-во, 2003. С. 345–360.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 112 с.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 48–61.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука, 1967. 408 с.

Санжаров С.Н. Раннесрубные погребения Новониколаевского могильника на Северском Донце // Древние культуры Восточной Украины. Луганск : Изд-во ВУГУ, 1996. С. 187–197.

Сатаев Р.М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008а. Т. 2. С. 143–160.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008б. Т. 2. С. 138–142.

Сатаев Р.М. Астрагалы мелких копытных в ритуальной практике древнего населения Гонур-Депе (Туркменистан) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 313–315.

Селиванова Л.Л. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) // Человек и общество в античном мире. М. : Наука, 1998. С. 363–397.

Сергеева М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ : КНТ, 2011. 256 с.

Сериков Ю.Б. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2009. Вып. 7. С. 391–410.

Синицын И.В. Памятники родового общества степей Заволжья // Ученые записки СГУ. Т. LXVI. Выпуск исторический. Саратов : СГУ, 1958. С. 278–309.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1960. №78. С. 10–168.

Сказки цыган СССР. М. : Наука, 1991. 398 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1959. №60. С. 206–322.

Сотникова С.В. Мотив «обновления мира» в ритуальной практике андроновского населения // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : мат. XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 309–313.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альничков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №2 (25). С. 26–34.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. №2. С. 34–49.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи бронзы Олаир / Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. Т. II. 200 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.

Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации

и реконструкции : мат. XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200.

Ткачев В.В. Могильник Восточно-Курайли-I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе : Актюбинский гос. ун-т, 2005. Вып. 2. С. 36–69.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Толстая С.М. Нечистая сила // Мифологический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1991. С. 396–397.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 89–101.

Українські народні казки. К. : Веселка, 1989. 414 с.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк : Східний видавничий дім, 2000. С. 107–110.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М. : ГИМ, 2011. С. 202–214.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск : Амфора, 2012а. С. 226–235.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск : ДонГТУ, 2012б. С. 140–156.

Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортостан) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. С. 168–173.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. 1990. М. : ИА АН РК, 1992. Ч. I. С. 97–104.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы (по материалам могильника Лисаковский и Кара-Тумсух) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2006. Вып. 2. С. 70–80.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. : Алетей, 2001. 352 с.

Фріч А. Високий мисливець. К. : Веселка, 1979. 200 с.

Хаванский А.И. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012. С. 120–128.

Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л. : Наука, 1983. 243 с.

Цивьян Т.В. О связи игра – ритуал (игрушки – ритуальные предметы) // Международный симпозиум «Античная балканистика б». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. С. 55–57.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. №10. С. 215–248.

Циміданов В.В. З'єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004а. Вып. 3. С. 229–248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004б. 204 с.

Цимиданов В.В. Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. Вып. 8. С. 56–82.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : ОСИРИС, 1997. С. 50–61.

Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск : Наука, 1980. 172 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Сибири. 1960. №88. 272 с.

Шалганова Т. Орнитоморфни и зооморфни глинени предмети от културата на инкрустираната керамика по Долни Дунав // Миф 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски: ἀποθέωσις. София, 2001. С. 489–510.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л. : Наука, 1980. 128 с. (САИ. В1–11).

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука, 1975. 208 с.

Шуликов М.Г. Хутор Веселый. Батайск, 2013. 210 с.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : Научная книга, 2009. Вып. 7. С. 146–170.

Юдин А.И. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов : Научная книга, 2010. С. 50–118.

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov

ASTRAGALS OF HORNED CATTLE IN CULTURES OF BRONZE AGE STEPPE AND FOREST-STEPPE EURASIA

The authors of the paper consider an existing of astragals of horned cattle in cultures of the Bronze Age steppe and forest-steppe Eurasia (Sintashta, Petrovskaya, Alkaulskaya, Timber Grave, etc.). The analysis of the data collected by authors testifies that these astragals served as raw materials for manufacturing of utilitarian products, mainly tools, on the one hand, and were attributes of various ceremonies, on the other hand. In particular, the bones were placed in graves as grave goods (mainly in burials of teenagers and women). They were also put on covers of graves, next to grave pits, in ditches, i.e. on the borders which separate the live from the dead. During ceremonies at settlements astragals of horned cattle were left on borders of dwellings (next to walls, corners, entrances), and also in pits and wells which were obviously considered as communication channels with the other world. According to the authors, the astragals of horned cattle in cultures of Bronze Age were poly-semantic, i.e. their sign loading was different depending on character of a ceremony. In particular, these objects could be used for opening of a communication channel with the other world or its blockings, to be symbols of animals as well.

Keywords: astragals of horned cattle, Bronze Age, Eurasia, ceremonies.